

ББК 87.3

М.А. Широкова

Славянофилы как основоположники русской национальной философии

M.A. Shirokova

Slavophiles as the Founders of Russian National Philosophy

Рассматривается роль основных идеологов славянофильства (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова) в формировании оригинальной русской философии во второй четверти XIX в. Выделены особенности национальной философии в России, а также ее важнейшие проблемы, впервые поставленные славянофилами. Проанализированы причины возникновения самостоятельного русского философствования именно в этот период.

Ключевые слова: русская философия, славянофильство, национальное самосознание, социально-политический идеал.

Значимость славянофильства как явления в истории русской мысли определяется прежде всего тем, что именно с него принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России. «Пройдя большую школу западного философствования, русский ум обратился к собственной жизни, к главным вопросам и интересам своего исторического бытия. Творчески переработав европейский мыслительный опыт, славянофилы заложили основы русской национальной философской традиции, в центре которой были идеи целостного знания, духа и жизни, соборности» [1, с. 519]. В этих словах одного из современных исследователей славянофильства В.П. Кошарного выражено согласие с мощной традицией, представленной именами как авторов широко известных обобщающих трудов по истории русской философии дореволюционного и эмигрантского периодов Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, С.А. Левицкого, Г.В. Флоровского, А.И. Введенского, Н.П. Полторацкого, Э.Л. Радлова, Г.Г. Шпета, Н.А. Бердяева, так и тех, кто писал о развитии русской мысли в последние десятилетия – А.В. Гулыги, А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова, Ф.И. Гиренка, С.С. Хоружего, В.В. Сербиненко, В.И. Холодного и многих других. При всем многообразии, даже нередко полной противоположности методологических установок, из которых исходят указанные авторы, их вывод относительно значения славянофильства в духовной жизни России однозначен: славянофилы создали русскую философию. «Славянофильские проблемы – единственные оригинальные проблемы русской философии, как бы ни решались они», – утверждал Густав Шпет [2, с. 37]. В чем же оригинальность проблем, впервые постав-

The article examines the role of the main Slavophil ideologists (A.S. Khomyakov, I.V. Kireyevsky, K.S. Aksakov) in the creation of original Russian philosophy in the second quarter of the XIXth century. The features of national philosophy in Russia, as well as its most important problems first raised by Slavophiles are marked. The causes of self-Russian philosophizing in this period are analyzed.

Key words: Russian philosophy, Slavophilism, national identity, socio-political ideal.

ленных на теоретическом уровне именно в творческом наследии славянофилов? По словам Н.А. Бердяева, «когда в XIX в. в России народилась философская мысль, то она стала, по преимуществу, религиозной, моральной и социальной» [3, с. 118]. Тем самым Бердяев указал некоторые общие черты и особенности русской философии, выделение которых было и остается общим местом в соответствующих разделах вузовских учебников и справочных изданий, в статьях и монографиях по данной тематике (см., например: [4; 18–19]). В.П. Кошарный отмечает, что «набор черт, выражающих «особость» русской философской мысли, не совпадает у разных авторов, хотя можно заметить и постоянно повторяющиеся элементы. Среди них называются нравственная ориентация, ведущая роль проблемы человека, историософская проблематика (Запад – Россия – Восток), тема кризиса западной цивилизации, культуры, философии, борьба против абстрактности классической мысли, антиутилитаризм, духовность, интерес к глубинам человеческих переживаний и страданий, к поиску Бога, правды и спасения и т.д.» [1, с. 520]. Все названные элементы присутствуют в славянофильском учении.

Но главная заслуга славянофильства, безусловно, состоит в том, что с самого начала его идеологи четко обозначили, «тематизировали» ключевую проблему нарождающейся отечественной философии – проблему национального самосознания. Философия в нашей стране явилась как национальное самосознание, дошедшее до обобщений философского уровня.

«Как символ, славянофильство вечно, ибо оно есть символическое выражение русского самосознания», – писал Павел Флоренский. «Едва ли можно

увидеть преувеличение в этих словах», – комментируя его высказывание, отмечает С.С. Хоружий в книге «Современные проблемы православного мирозерцания». «С самого своего зарождения, славянофильство всегда и в первую очередь занималось именно этим: задачей выражения русского самосознания» [5, с. 2]. Разумеется, русское самосознание не появилось вдруг, из ничего. Оно существовало задолго до славянофильства, но еще рационально не оформленное, растворенное в жизни народа. «Общество, так же, как человек, сознает себя не по логическим путям. Его сознание есть самая его жизнь; оно лежит в единстве обычаев, в тождестве нравственных или умственных побуждений, в живом и непрерывном размене мысли, во всем том беспрестанном волнении, которым жидутся народ и его внутренняя история», – это слова родоначальника славянофильства А.С. Хомякова [6, с. 96]. А вот реакция на них современного автора Ф.И. Гиренка: «Хомяков любитель таких странных определений. ... Ну разве жизнь – это сознание? Ведь сознание – это то, что думает и обдумывает. ... А живое живет» [7, с. 60]. Хомяков был убежден, что сознание народа «недоступно ни для иностранца, ни для тех членов общества, которые волею или неволею от него уединились» [6, с. 97]. Следовательно, оно недоступно высшим сословиям – носителям европейского просвещения, но, вследствие этого, невыразимо и для самого народа, поскольку народ «живет», но не «обдумывает». «В высших сословиях проявлялось знание, но знание, вполне отрешенное от жизни; в низших – жизнь, никогда не восходящая до сознания» [6, с. 99]. Неосознанную жизнь Ф.И. Гиренок именуется «дословностью», невысказанностью. Своё предназначение славянофильские авторы видели именно в том, чтобы возвести русскую жизнь до сознания, выразить рационально «то, что живет». Для этого, по их мнению, образованные классы должны оставить, наконец, подражательность, отказаться от повторения, по выражению Хомякова, «благоприобретенных мыслей на благоприобретенных языках» и заговорить по-русски для России. «Язык, чтобы быть послушным и художественным орудием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но и частью нашей жизни, частью нас самих» [6, с. 97]. Можно согласиться, что славянофилы, и в частности Хомяков, привносят в русскую духовность «опыт проговаривания дословного». «Проговорить дословное означает дать чему-то высказаться через тебя» [7, с. 47]. Настало время, чтобы язык народа органично вообрал в себя «метафизические понятия». «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует», – записал А.С. Пушкин в 1824 г., понимая всю трудность задачи [8, т. 7, с. 18]. Образованным слоям общества необходимо было не только заниматься разработкой оригинальной русской

«учености, политики и философии», но одновременно буквально создавать русский литературный язык как таковой. В заметке «О причинах, замедливших ход нашей словесности» Пушкин называет важнейшей из этих причин широкое употребление французского языка и пренебрежение русским. «Все наши писатели на то жаловались, – но кто же виноват, как не они сами» [8, т. 7, с. 18]. Действительно, трудно философски мыслить на родном языке, когда он настолько еще необработан, что «даже в простой переписке мы принуждены *создавать*» соответствующие обороты «для изъяснения понятий самых обыкновенных». И поэтому «леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [8, т. 7 с. 18].

Позицию славянофилов по отношению к русскому языку и его новой исторической миссии выразил К.С. Аксаков в статье «О грамматике вообще (по поводу грамматики Белинского)». Он утверждал, что «в языке живет бесконечный дух народа», что в нем содержится «первая ступень народности». Европа обладает «мудростью», но утратила «юность и гибкость слова», и теперь выразить накопленное человечеством знание лучше сможет русский язык, в котором «так сильно, так живо играет внутренняя жизнь народа...». Поэтому для русских «неестественно», «насильственно» и «смешно» говорить на чуждом языке, «передавая свои мысли» [9, с. 24].

Один из авторов недавно вышедшего, весьма представительного сборника научных статей, посвященных разнообразным аспектам учения главы славянофильского кружка А.С. Хомякова, О.Д. Куракина пишет: «...заслуга Хомякова в том, что во время увлечения грандиозными системами немецкого идеализма он пытается найти непререкаемые основания отечественного мышления. Во время, когда отсутствовали переводы Гегеля и Фихте, когда не была еще выработана собственная философская терминология, Хомяков пытается донести до соотечественников всю пропасть, лежащую между жизненностью православного мышления и рассудочной отвлеченностью западноевропейских построений» [10, с. 515].

Эпоха, когда возникло и заявило о себе славянофильство, – вторая четверть XIX в. – это эпоха формирования качественно новой национальной культуры, выразителем которой и явилась отечественная философия. Почему же именно в этот период русский язык, словесность, сам образ мышления переживают столь глубокие преобразования, и почему в обществе появляется насущная потребность в философии?

Среди причин бурного развития отечественной интеллектуальной жизни исследователи традиционно называют «революционные потрясения XVIII века, повернувшие умственный и политический уклад Запада, и мощный общественный подъем в России, возбужденный событиями 1812 года, резко усилив-

ший свободолюбивые настроения в дворянстве» [11, с. 5]. Но если взглянуть на социально-политическую обстановку в России непосредственно в конце 20-х – 30-е гг. XIX в., когда и появились первые собственно философские произведения, то она, напротив, была крайне неблагоприятной для всякого свободомыслия: деспотическое правление, подавление инакомыслия, жесточайшая цензура. Парадоксальность данной ситуации неоднократно отмечалась и современниками, и потомками. Об этом писал А.И. Герцен в «Былом и думах», на эти же обстоятельства указывал Н.А. Бердяев в «Русской идее»: «Творческая мысль пробудилась... в николаевскую эпоху, и она была обратной стороной, полярно противоположным полюсом политики гнета и мрака. Русская мысль засветилась во тьме» [3, с. 62].

Правда, в определенной степени эта особенность пробуждения русского самосознания объясняется тем, что философские занятия являлись тогда для молодого поколения фактически единственно возможной, хотя тоже небезопасной, сферой приложения общественной активности. Представляется безусловно справедливым вывод Т.И. Благовой о том, что будущих славянофилов (как и будущих западников) побудило к разработке своей философии «ощущение глубокого разлада с действительностью». «Желание быть полезными Родине и невозможность политической деятельности трансформировалось в интенсивные философские изыскания», – пишет она [12, с. 12]. Здесь важно подчеркнуть: несмотря на неоднократные пренебрежительные высказывания лидеров славянофильства в адрес «вопросов политических», несмотря на их зачастую демонстративный уход с государственной службы (всех, кроме Ю.Ф. Самарина), в действительности «вопросы политические» занимали их гораздо больше, чем они сами это признавали. Разумеется, политика интересовала их не как самоцель, а прежде всего как средство совершенствования общественных отношений. Вынужденное неучастие в практических государственных делах в период николаевской реакции не могло не побуждать мыслящую часть русской молодежи к поиску иных способов влияния на власть и общество. Явное подтверждение этому находим у И.В. Киреевского в одной из ранних критических статей «Обзорение русской литературы за 1831 год», где он писал с довольно дерзкой иронией: «Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мериллом их просвещения, у нас неусыпные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература» [13, с. 81]. Заметим, что под словом «литература» славянофильские авторы обычно подразумевали скорее «произведения философские, исторические, филологические, политико-

экономические, богословские и т.п.», чем собственно «произведения изящные» [13, с. 127].

Важнейшая мировоззренческая проблема, перед которой оказалась русская мыслящая молодежь в конце 20-х – 30-е гг. XIX в., заключалась не в том, чтобы выбрать какое-либо уже готовое учение и просто приспособить его к духовным потребностям России, а в том, чтобы выработать совершенно новую «систему мышления», которая бы эти потребности выразила. Необходимо было, чтобы отечественная «образованность» (или «просвещение» – этим равнозначным понятиям той поры соответствует современное понятие «духовная культура») дала себе отчет в своем происхождении, в своих отношениях к «образованности» Запада и к русской жизни, определила свои гносеологические, онтологические и антропологические основания. То есть в обществе сформировался запрос на правильное и полное русское *самосознание*, без которого было решительно невозможно дальнейшее развитие национальной жизни и национальной культуры [11, с. 11].

Глава знаменитого «Общества любомудров» Д.В. Веневитинов считал становление самосознания самой насущной умственной потребностью России и ради этого предлагал даже «совершенно остановить нынешний ход ее словесности и заставить ее более думать, нежели производить» [14, с. 32]. В результате, надеялся он, «мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий», а Россия найдет «залог самобытности и, следовательно, своей нравственной свободы в литературе в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления».

Итак, во второй четверти XIX в. в русском обществе с небывалой остротой ощущалась необходимость философии как «нового модуса существования» [15, с. 235], т.е. само создание философии мыслилось как качественное изменение всей русской жизни – культурной, социальной, политической. Уверенность, что именно русскому народу, после того как он вполне осознает себя, удастся воплотить в жизнь идеал общества и государства, была высказана и будущими западниками, и будущими славянофилами. И.В. Киреевский в статьях «Нечто о характере поэзии Пушкина», «Обзорение русской словесности 1825 г.», В.Г. Белинский в «Литературных мечтаниях», А.С. Хомяков в драме «Вадим» и стихах, В.Ф. Одоевский и Д.В. Веневитинов в ряде статей и многие другие выражали мысль о необходимости оставить подражательность, о мессианской роли русской культуры, которая сумеет воплотить идеалы народности, вольности, свободы личности и творчества. В «Обществе любомудров» (1823–1825), в кружке Станкевича (1832–1839) и в кружке Герцена (1831–1834) началось формирование теорий, широких мировоззренческих обобщений, которые стремились охватить историю культуры, народа в целом, выдвигать

гались идеалы будущего политического развития. В.Ф. Одоевский в первом философском романе «Русские ночи» заявлял, что «Деятельный век принадлежит России» [16, с. 147]. И.В. Киреевский в 1830 г. писал: «Нам необходима философия. Все развитие нашего ума требует ее. Ею одною живет и дышит наша поэзия; она одна может дать душу и целостность нашим младенствующим наукам, и самая жизнь наша, может быть, займет от нее изящество стройности. Но откуда придет она? Где искать ее? Нет сомнения, что наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного быта» [13, с. 51]. Два года спустя Киреевский вернулся к этому тезису: «Не чужие уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить нас мыслить и судить». До тех пор, пока «мы довольствуемся общими истинами, не примененными к особенностям нашего просвещения, не извлеченными из коренных потребностей нашего быта», мы фактически ни о чем «не имеем своего мнения либо имеем ошибочное» [13, с. 83]. То есть Россия, пытаясь развивать свое сознание исключительно с помощью европейских схем, в действительности «сознает» не себя, а Европу, а такой путь развития самосознания – лишь бессмысленное повторение пройденного, не имеющее ценности ни для русского «просвещения», ни для мировой культуры в целом.

В 1856 г., в последний год своей жизни, Киреевский сформулировал славянофильскую концепцию генезиса философии: философия возникает там и

тогда, где и когда соединяются «два противоположных конца человеческой мысли, первый из которых – вера, второй – развитие наук и внешней образованности». Таким образом, философия, по определению, данному Киреевским, «есть не что иное, как переходное движение человеческого разума от области веры в многообразное приложение мысли бытовой» [13, с. 263].

По мнению славянофилов, не каждый человек может заниматься богословием, не для всех доступно и не для всех необходимо занятие философией. Но для каждого возможно и необходимо «связать направление своей жизни со своим коренным убеждением веры, согласить с ним свое главное занятие и каждое особое дело, чтобы всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели» [17, с. 276]. Свою же задачу основоположники славянофильства видели в том, чтобы добиться плодотворного соединения, с одной стороны, философии и веры, с другой – философии и национальной жизни. Иными словами, создаваемая русская философия должна была выполнить своеобразную интегративную функцию – функцию соединения всех душевных сил человека и формирования «цельной личности» и в то же время функцию сплочения общества и направления всех его действий к достижению одной цели – совершенному обществу устройству через воплощение религиозного, нравственного и социально-политического идеала. Движение к этому идеалу составляет смысл жизни всего человечества и каждого отдельного человека.

Библиографический список

1. Кошарный, В.П. Творческое наследие А.С. Хомякова и феномен национальной философии / В.П. Кошарный // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : сборник статей. – М., 2007. – Т. 1.
2. Шпет, Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет. – Пг., 1922.
3. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
4. История философии: Запад – Россия – Восток. – Кн. III. – М., 1998.
5. Хоружий, С.С. Современные проблемы православного мирозерцания / С.С. Хоружий. – М., 2002.
6. Хомяков, А.С. О старом и новом. Статьи и очерки / А.С. Хомяков. – М., 1988.
7. Гиренок, Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности / Ф.И. Гиренок. – М., 1998.
8. Пушкин, А.С. Собрание сочинений : в 10 т. / А.С. Пушкин. – М., 1937–1949.
9. Славянофилы : историческая энциклопедия. – М., 2009.
10. Куракина, О.Д. А.С. Хомяков – основоположник самобытной русской философии / О.Д. Куракина // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : сборник статей. – М., 2007. – Т. 1.
11. Котельников, В.А. Литератор-философ / В.А. Котельников // Киреевский И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. – М., 1984.
12. Благова, Т.И. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение / Т.И. Благова. – М., 1994.
13. Киреевский, И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. – М., 1984.
14. Веневитинов, Д.В. Сочинения / Д.В. Веневитинов. – М., 1831. – Ч. 2.
15. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Вильнюс, 1991.
16. Одоевский, В.Ф. Русские ночи / В.Ф. Одоевский. – М., 1913.
17. Киреевский, И.В. Полн. собр. соч. / И.В. Киреевский. – М., 1911. – Т. 2.
18. Сербиненко, В.В. Русская философия : курс лекций / В.В. Сербиненко. – М., 2005.
19. Русская философия : малый энциклопедический словарь. – М., 1995.